

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667300016437-0

Канада и проблема суверенитета в Арктике в 1950–1960-е годы: от суверенитета над сушей к суверенитету над морским пространством

Д.А. Володин

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4252-24-35> e-mail: dmvldn@gmail.com

---

Резюме: В 1950-е годы политика Канады по отстаиванию своего суверенитета в Арктике претерпевает серьёзные изменения. Уже к началу 1950-х канадские юристы делают важный вывод, что суверенитет Канады над всеми землями в её арктическом секторе может быть обоснован по праву эффективной оккупации без привлечения секторальной концепции. С 1954 г. Канада начинает воспринимать проблему суверенитета в Арктике не как проблему суверенитета над сушей, но как вопрос о суверенитете над морским пространством. Смена акцента – с суши на морскую акваторию – заставила Канаду отказаться от секторальной концепции как ненужного и неэффективного средства. В середине 1950-х правительство Л. Сен-Лорана решает ограничить морские претензии страны в Арктике водами Арктического архипелага. В качестве правовой основы для таких претензий был выбран метод прямых исходных линий, признанный Международным судом ООН в 1951 г. В первой половине 1960-х годов правительства Дж. Дифенбекера и Л. Пирсона предприняли усилия, чтобы узаконить на международном уровне расширенные морские границы Канады в Арктике, однако потерпели неудачу в силу неготовности идти ради этого на обострение отношений с США и стремления Канады действовать строго в рамках международного морского права.

Ключевые слова: Канада, Арктика, секторальная концепция, метод прямых исходных линий, суверенитет

Для цитирования: Володин Д.А. Канада и проблема суверенитета в Арктике в 1950-е – 1960-е годы: от суверенитета над сушей к суверенитету над морским пространством. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51 (9): 114-126.

DOI: 10.31857/S268667300016437-0

Canada and the Problem of Sovereignty in the Arctic in 1950s-1960s: from Terrestrial Sovereignty to Maritime Sovereignty

Dmitry A. Volodin

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4252-24-35> e-mail: dmvldn@gmail.com

---

Abstract: In the 1950s Canada's policy of assertion of its sovereignty in the Arctic was undergoing major changes. By the beginning of the 1950s Canadian lawyers made an important conclusion that Canada's sovereignty over all lands in its Arctic sector can be justified by the right of effective occupation without involving a sector theory. Since 1954 Canada began to perceive the problem of sovereignty in the Arctic not as a problem of sovereignty over land but as a question of sovereignty over sea space. The shift in focus – from land to sea – has forced Canada to abandon the sector theory as unnecessary and ineffective. In the mid-1950s the government of L. Saint Laurent decided to limit the country's maritime claims in the Arctic to the waters of the Arctic Archipelago. The straight baseline method, recognized by the International Court of Justice in 1951, was chosen as the legal basis for such claims. In the first half of the 1960s the governments of J. Diefenbaker and L. Pearson made efforts to legalize Canada's extended maritime borders in the Arctic at the international level, but failed both because of their unwillingness to aggravate relations with the United States for this and Canada's desire to act strictly within the framework of international the law of the sea.

Keywords: Canada, Arctic, sector theory, the method of straight baselines, sovereignty

For citation: Volodin D.A. Canada and the Problem of Sovereignty in the Arctic in 1950s-1960s: from Terrestrial Sovereignty to Maritime Sovereignty. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (9): 114 -126. DOI: 10.31857/S268667300016437-0

ВВЕДЕНИЕ

После разрешения в 1930 г. территориального спора с Норвегией из-за островов Свердруп в Канаде на некоторое время утвердилась точка зрения, что вопрос о суверенитете страны в Арктике решён. Однако активное использование региона американцами для своих оборонных нужд в ходе Второй мировой войны и особенно с началом холодной войны вынуждало канадские власти к разработке новой, более прочной, правовой основы суверенитета на Крайнем Севере.

ПЕРЕОЦЕНКА СЕКТОРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ НА ЮРИДИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Началом этого процесса можно считать статью канадского посла в США Л. Пирсона, опубликованную в июле 1946 г. во влиятельном американском журнале «Форин афферс». В статье Л. Пирсон выступил как сторонник секторальной концепции*, причём в максимально возможной её форме. Суверенитет Канады распространялся «не только на северную континентальную часть Канады, но и на острова и замерзшее море к северу от материка между меридианами от восточной и западной границ Канады, продолженных до Северного полюса» [Pearson L., 1946: 638-639].

---

* Секторальная концепция предусматривает, что каждое государство, имеющее выход к Северному Ледовитому океану, имеет право на свой арктический сектор, вершиной которого является Северный полюс, а боковыми сторонами – линии, проведённые к полюсу от самой восточной и самой западной точек на северном побережье этих стран.

С конца 1940-х годов усилия по обоснованию суверенитета Канады в Арктике приобрели более системный и централизованный характер. Ключевую роль в этом процессе начал играть созданный в январе 1948 г. Консультативный комитет по развитию Севера – ККРС (*the Advisory Committee on Northern Development*). Эта организация стала ответом на военную активность США в Канадской Арктике. Согласившись в 1947 г. с американским предложением о развёртывании совместных метеостанций на островах Арктического архипелага [См.: Володин Д.А., 2021a], канадское правительство решило создать специальный орган, который не только обеспечивал бы более тщательный контроль за всеми американскими оборонными проектами на Канадском Севере, но и взял бы на себя координацию усилий всех канадских ведомств в этом регионе.

Уже на втором заседании Комитета (1 июня 1948 г.) его председатель, заместитель министра горнодобывающей промышленности и природных ресурсов Х. Кинлисайд выступил с инициативой подготовить «авторитетную статью» о суверенитете страны в Арктике. Необходимость такого шага он обосновывал постоянными запросами различных министерств на эту тему. Участвовавший в заседании Л. Пирсон, ставший к этому моменту заместителем министра иностранных дел, предложил разбить всю работу на две части: первая представляла бы собой набор теоретических аргументов в поддержку секторального принципа, не получившего полного признания в международном праве; вторая являлась бы подробной историей мероприятий, организованных канадским правительством в Арктике, которая поддерживала бы претензии на суверенитет на основе принципа эффективного контроля и реального управления [10: 90]. Когда эти две части, а точнее – два отдельных исследования, были бы готовы, на их основе независимый эксперт должен был подготовить итоговый документ. Именно такое решение и было принято по итогам заседания, причём МИД было поручено подготовить «теоретическую» часть, а Министерству горнодобывающей промышленности и природных ресурсов – фактологическую.

В январе 1949 г. юридический советник МИД Э. Хопкинс представил детальный разбор возможных правооснований суверенитета Канады над всеми землями в пределах её арктического сектора. Основной упор он сделал на суверенитет по праву оккупации. Изучив те данные, которые подготовило Министерство горнодобывающей промышленности и природных ресурсов, Э. Хопкинс пришёл к выводу, что «различные действия, осуществленные канадским правительством, кажутся достаточными, чтобы выполнить требования международного права в отношении непрерывности, характера и степени эффективной оккупации в приполярных районах» [9: 268]. По его мнению, Канада могла также сослаться и на ряд второстепенных правооснований – право географической близости (*geographical dependency*), право давности, а также с оговорками на право первооткрывателя. Однако наиболее спорным правооснованием оказывался именно секторальный принцип. Э. Хопкинс предупреждал, что «до настоящего времени в литературе по международному праву данная идея серьёзно не рассматривалась» [9: 268].

Опираясь на меморандум Э. Хопкинса и данные Министерства горнодобывающей промышленности и природных ресурсов, внешний эксперт, декан Школы права Дальхаузского университета В. Макдональд подготовил в январе 1950 г. итоговое исследование о суверенитете Канады в Арктике. Он подтвердил вывод Э. Хопкинса, что оккупация является наиболее важным и легче всего доказуемым для Канады правооснованием для предъявления прав на все острова Арктического архипелага. Как указывал В. Макдональд, действия Канады по управлению территориями в пределах своего сектора «настолько многочисленны, так разнообразны, так обширны, что они отвечали бы требованиям закона в самых строгих его формах. Тем более они соответствуют эффективной оккупации, с точки зрения закона применительно к арктическим районам» [5: 865]. В отношении секторального принципа В. Макдональд занял ещё более скептическую позицию, рассматривая его как более слабый источник права, чем эффективная оккупация. Важнейшее значение, однако, имело замечание В. Макдональда о том, что с помощью эффективной оккупации можно обосновать права на те же самые земли в Арктике, на которые претендует Канада по секторальному принципу. В. Макдональд прямо говорил, что «политические соображения должны привести к сохранению права Канады на основе одной лишь эффективной оккупации как главной и наиболее приемлемой (правовой) основы, по сравнению с которой другие доктрины имеют лишь вспомогательное значение» [5: 875].

Несмотря на то, что вывод В. Макдональда должен был снизить интерес в Канаде к секторальной концепции, мгновенного отказа от неё не произошло. Более того, заявления и действия канадского правительства в то время (конец 1940-х – начало 1950-х годов) могли восприниматься как поддержка этой концепции на официальном уровне. Так, в октябре 1949 г. Х. Кинлисайд в своей статье в «Канадском географическом журнале» отнёс к арктическим и субарктическим районам Канады «территорию Юкон, Северо-Западные территории, включая арктические острова и их воды, северную половину Квебека и Лабрадора и ту часть покрытого льдом полярного моря, которая находится в пределах канадского сектора» [Smith G., 1966: 222-223]. В 1951 г. Министерство горнодобывающей промышленности и технических изысканий (*the Department of Mines and Technical Surveys*) выпустило массовым тиражом карту Канады с границами арктического сектора. Как одобрение секторального принципа можно было трактовать и заявление премьер-министра Л. Сен-Лорана в декабре 1953 г. по поводу создания Министерства по делам Севера и природных ресурсов. Представляя законопроект об организации нового ведомства, он среди прочего заявил, что «Канада не должна оставить никаких сомнений о своей активной оккупации и осуществлении суверенитета на этих северных землях до (Северного) полюса» [1: 1953. Vol. I: 700].

ПЕРЕОЦЕНКА СЕКТОРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Ситуация для Канады изменилась, когда Советский Союз решил провести научные исследования в Арктике на дрейфующих ледовых станциях. В 1954 г. были созданы советские станции «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4». Дрейф этих станций к границам канадского арктического сектора не только снова привлёк внимание канадских властей к секторальной концепции, но и заставил их совершенно по-другому взглянуть на проблему суверенитета на Крайнем Севере и воспринимать её не только как вопрос о суше, но уже в большей степени как проблему обеспечения суверенитета над морским пространством.

В августе 1954 г. канадский МИД подготовил специальное исследование, в котором дал критическую оценку самой секторальной концепции и возможности использовать её в отношении дрейфующих льдов. Как и в работе В. Макдональда, речь фактически шла о необходимости списания этой концепции как средства обоснования суверенитета страны в Арктике. Было сказано, что, «хотя секторальный принцип представлял значительную ценность для Канады в качестве первоначальной основы для претензий на контроль за всеми землями к северу от материковой части Канады до (Северного) полюса, необходимость в опоре на эту доктрину неуклонно уменьшалась, по мере того как эффективная оккупация Канадой этих северных территорий становилась всё более прочной. В настоящее время считается, что право Канады на все или почти все её арктические территории может быть доказано на основе эффективной оккупации, как в отношении намерения (владеть), так и в отношении реальной демонстрации суверенитета над этими районами» [9: 321]. В исследовании указывалось, что, с точки зрения международного права, любые льды считаются открытым морем и, следовательно, непригодны для установления суверенитета, а «секторальная концепция изначально была разработана как метод выделения территорий» (*as a method of allocating territories*) [9: 322].

Осенью 1954 г. с документом МИД были ознакомлены представители других канадских ведомств, а тезис, что линии сектора являются «лишь выделительными линиями» (*lines of allocation*) была повторена в том же году и в публикации Министерства горнодобывающей промышленности и технических изысканий [Nicholson N., 1954]*. Тем временем военным было поручено усилить наблюдение за советской станцией «Северный полюс-3», приближавшейся к границам канадского арктического сектора.

В январе 1955 г. на основе документа МИД секретариат ККРС разослал членам комитета записку для дальнейшего обсуждения этой темы. А уже 2 февраля 1955 г., ещё до заседания комитета, выступая в Оттаве в клубе «Северный поляр-

---

* Как указывалось, линии канадского арктического сектора «должны рассматриваться лишь как выделительные линии, которые проведены через открытое море или неисследованные области с целью выделения земель без передачи суверенитета над открытым морем» [Цит. по: Nicholson N., 1979: 71].

ный клуб», канадский министр по делам Севера и природных ресурсов Ж. Лесажа отмежевался от секторальной концепции. По его словам, суверенитет Канады в Арктике ограничивался арктическими островами и трехмильной зоной вокруг них [11]. Соответственно, самая северная точка Канады находилась не на Северном полюсе, а в трёх милях к северу от острова Элсмир. Судя по всему, выступление Ж. Лесажа можно рассматривать как первый публичный отказ канадского правительства от использования секторальной концепции. Таким образом, если считать заявление канадского министра внутренних дел Ч. Стюарта в июне 1925 г. в парламенте начальной точкой, а выступление Ж. Лесажа – конечной, то признание секторальной концепции в Канаде на официальном уровне не существовало и 30 лет*.

На изменение канадской позиции обратили внимание и в США. Третий секретарь американского посольства в Оттаве Дж. Тарттер в своей телеграмме в Госдепартамент 10 марта 1955 г. прямо связывала пересмотр Канадой границ своего суверенитета в Арктике с тем фактом, что советская станция «Северный полюс-3» заплыла в канадский арктический сектор [9: 330]. Таким образом, слепое отстаивание секторального принципа грозило Канаде потенциальным конфликтом с Советским Союзом. Итак, представляя страну более лёгкой весовой категории по сравнению с СССР, Канада в случае такого спора не могла бы рассчитывать на секторальную концепцию как на серьёзный юридический аргумент. Также было понятно, что Канаде не стоит рассчитывать на заступничество США, поскольку ее поддержка означала бы для Соединенных Штатов признание секторального раздела Арктики, от чего они постоянно уклонялись.

На слушаниях в парламенте 23 марта 1955 г. Ж. Лесажа и его заместитель Г. Робертсон ещё более резко дистанцировались от какой-либо связи Канады с секторальной концепцией. Отвечая на просьбу одного из депутатов прокомментировать газетную заметку о нахождении советской ледовой станции в канадском арктическом секторе, Г. Робертсон отметил, что «Канада никогда официально не предъявляла права на северный сектор как таковой. Линии секторов обозначаются на карте примерно с 1903 г., когда не существовало полного знания о землях, которые есть на Крайнем Севере, и смысл заключался в том, что Канада фактически предъявляет права на любую сушу в пределах сектора, хотя и не делает соответствующего официального заявления» [9: 332]. В ходе дискуссии Г. Робертсон специально подчёркивал, что «линии секторов были проведены не для того, чтобы обозначать какие-либо претензии на воду или лёд» [9: 332].

Рассмотрение этого вопроса в канадском парламенте приобрело отчётливо выраженный партийный характер: если либеральное правительство Л. Сен-Лорана, членом которого был Ж. Лесажа, отмежевалось от секторальной концепции, то депутаты главной оппозиционной партии – Прогрессивно-

---

* Если подходить совсем строго, то начальной точкой следует считать 1930 год, когда канадское правительство впервые употребило слово «сектор» применительно к своим претензиям в Арктике. До этого момента зона от северного побережья страны между меридианами 60° и 141° з.д. до Северного полюса означала «хинтерленд» [См.: Володин Д.А., 2021b].

консервативной – продолжали отстаивать этот принцип. На слушаниях в Палате общин 3 августа 1956 г. представители этой партии А. Гамильтон и Дж. Харкнесс подняли вопрос о необходимости предъявить права на ледовое пространство до Северного полюса. В результате Ж. Лесаж был вынужден вновь публично заявить, что «правительство никогда не подписывалось под секторальной концепцией применительно ко льду... С точки зрения правительства, море, будь оно в замороженном виде или в своём естественном жидком состоянии, остаётся морем, а суверенитет Канады распространяется на земли и её территориальные воды» [1: 1956. Vol. VII: 6955].

Однако победа Прогрессивно-консервативной партии во главе с Дж. Дифенбейкером на канадских парламентских выборах в июне 1957 г. резко изменила ситуацию. Консерваторы, будучи в оппозиции и выступавшие как сторонники секторальной концепции, не могли так быстро и так просто отказаться от неё, придя к власти. В каком-то смысле ситуация стала зеркальной. Преемником Ж. Лесажа на посту министра по делам Севера и природных ресурсов стал именно А. Гамильтон, и теперь уже Ж. Лесаж, как представитель парламентской оппозиции, интересовался у А. Гамильтона, считает ли новое правительство канадскими все воды в пределах арктического сектора страны до Северного полюса? На слушаниях в Палате общин в ноябре 1957 г. А. Гамильтон фактически ушёл от ответа на этот вопрос [1: 1958. Vol. II: 1559].

Какое-то время могло действительно показаться, что Канада вновь берёт на вооружение секторальный принцип для обоснования своего суверенитета в Арктике. Выступая на слушаниях в Палате общин в августе 1958 г., премьер-министр Дж. Дифенбейкер заявил, что «всё, что могло быть сделано, должно быть сделано, чтобы гарантировать, что канадский суверенитет до Северного полюса будет отстаиваться и постоянно отстаивается Канадой» [1: 1958. Vol. IV: 3652].

Заявление Дж. Дифенбейкера и ряд таких же противоречивых заявлений А. Гамильтона стали сигналом для канадской бюрократии более тщательно проработать вопрос о суверенитете. С подачи МИД секретарь ККРС Г. Роули в октябре 1958 г. разослал записку членам комитета с просьбой сформулировать позицию их ведомств в отношении суверенитета Канады над морскими пространствами в Арктике. Хотя в записке было семь вопросов, первый, и самый важный, заключался в том, должна ли Канада добиваться суверенитета над водами Полярного бассейна (*the Polar Basin*), то есть над морской акваторией в пределах канадского сектора, или же следует ограничиться суверенитетом над проливами между островами Канадского арктического архипелага. Обеспокоенность канадских чиновников объяснялась не только проникновением чужих ледовых станций в канадский арктический сектор, но и появлением в Арктике атомных подводных лодок*, а также предстоящими международными переговорами по Антарктике.

---

* 3 августа 1958 г. американская атомная подводная лодка «Наутилус» стала первым кораблём, покорившим Северный полюс. Подробнее о деятельности американских и советских подводных лодок в Арктике [Теребов О.В., 2019: 158–167].

В конечном счёте решающее значение имела позиция Министерства иностранных дел и Министерства обороны, выступивших против предъявления прав на воды канадского арктического сектора. Среди недостатков такого решения указывались: невозможность обосновать это в рамках действовавшего международного права; отсутствие серьёзных экономических выгод; сложность и затратность для военных обеспечить морское и воздушное патрулирование до Северного полюса; трудности для ведения разведывательной деятельности в регионе, если примеру Канады последовал бы СССР. Было решено ограничиться установлением суверенитета над водами Архипелага, а правовой основой должен был стать метод прямых исходных линий*.

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА КАНАДЫ В АРКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МОРСКОГО ПРАВА

Стоит вспомнить, что в 1951 г. Международный суд ООН в англо-норвежском споре о рыболовстве признал возможность использовать данный метод в тех случаях, когда береговая линия сильно изрезана или когда рядом с побережьем расположен архипелаг [7: 128-129]. Это решение не прошло незамеченным в Канаде. Как вспоминает в своих мемуарах Г. Робертсон, канадское руководство сразу усмотрело в решении Международного суда возможность установить контроль над водами Арктического архипелага, проведя прямые исходные линии по всему его периметру [Robertson G., 2000: 95]. В конце 1952 г. для изучения этого вопроса правительство обратилось к известному канадскому юристу, декану Школы права Университета Британской Колумбии, Дж. Кертису. Его положительное заключение и аналогичные рекомендации межведомственного комитета по определению границ территориальных вод привели к тому, что, по словам Г. Робертсона, «правительство к весне 1956 г. пришло к выводу... что Канада должна перейти на систему прямых исходных линий везде, где побережье Канады имеет схожий рельеф с норвежским» [Robertson G., 2000: 95]. Это подтверждали и слова премьер-министра Л. Сен-Лорана в июле 1956 г. о намерении Канады использовать эту правовую норму в отношении собственного побережья [1: 1956. Vol. VII: 6702]. Метод прямых исходных линий был официально узаконен принятой в 1958 г. Женевской конвенции о территориальном море и прилежащей зоне.

Конвенция не только давала Канаде долгожданную правовую основу для расширения суверенитета за пределы трёхмильной зоны территориальных вод, но и встраивала весь этот процесс в общий контекст развития международного морского права. Так, в документе, подготовленном весной 1959 г. в ККРС на основе полученной информации от канадских ведомств, предлагалось отложить выдвигание претензий на воды Арктического архипелага до 2-й Конференции ООН по морскому праву (март–апрель 1960 г.), чтобы заручиться поддержкой

---

* Метод предусматривает отсчёт ширины территориальных вод от прямых линий, соединяющих наиболее выступающие в море участки суши. Воды, оказавшиеся внутри этих линий, получали статус внутренних вод государства.

США и Великобритании и чтобы страны-архипелаги вроде Индонезии и Филиппин не могли сослаться на канадский пример для использования этого метода в отношении своих островов.

Особо стоит отметить в документе ККРС трактовку секторальной концепции. С одной стороны, говорилось, что, «с юридической точки зрения, законность секторальной концепции как способа получения суверенитета над сушей, льдом или водой никогда не проверялась и, как считается, имеет крайне сомнительную ценность» [6: 149]. Однако её предлагалось «сохранить в резерве» (*be held in abeyance*) на тот случай, если международное право когда-нибудь позволит применить её для предъявления прав на неподвижный и дрейфующий лёд в канадском секторе.

В связи с такой негативной оценкой секторальной концепции на заседании ККРС 20 апреля 1959 г. был поднят вопрос о смысле её использования для обозначения границ канадского арктического сектора. Однако против удаления этих линий с канадских официальных карт выступил председатель ККРС, заместитель министра по делам Севера и природных ресурсов Г. Робертсон, указывая, что это было бы воспринято как изменение позиции Канады по вопросу о суверенитете в Арктике. В связи с этим он напомнил об инструкциях правительства, разосланных по всем ведомствам 6 апреля 1959 г., «не предпринимать никаких действий, которые могли бы навредить позднему утверждению Канады, что воды Канадского арктического архипелага являются внутренними водами Канады» [10: 607]. Таким образом, границы арктического сектора сохранились на картах Канады.

После внесения незначительных поправок документ ККРС был направлен премьер-министру, и на этом «флирт» правительства Дж. Дифебейкера с секторальной концепцией закончился.

Тем временем, казалось, начали сбываться канадские опасения о превращении Арктики в зону патрулирования атомных подводных лодок. В июне 1960 г. США запросили «согласие Канады»^{*} на проход в августе этого года атомной подводной лодки (АПЛ) «Сидрэген» (*SSN 584*) через проливы Канадского арктического архипелага. Американская сторона предложила, чтобы канадский военно-морской атташе присутствовал на борту подводной лодки во время этого плавания. Такое согласие было незамедлительно дано, поскольку считалось, что оно «резко усилит претензию Канады на то, что воды Канадского арктического архипелага являются её внутренними водами» [3].

В 1962 г. такая же ситуация повторилась с американской АПЛ «Скейт», однако в последнем случае канадская сторона осталась не вполне довольна тем, что запрос о проходе «Скейт» был направлен Канаде уже после начала операции, и тем, что в официальном сообщении США о выполненном плавании подлодки ничего не говорилось о согласии на это Канады. Как указывалось в телеграмме министра иностранных дел Канады Г. Грина канадскому послу в США Ч. Ритчи, отсутствие упоминания о консультациях с канадскими властями «создает впечатление, что воды Арктического архипелага являются международными вода-

^{*} Согласие Канады (*Canadian concurrence*) носило в данном случае формальный характер, поскольку запрос США носил лишь уведомительный характер.

ми, не подпадающими под юрисдикцию или контроль Канады» [4: 1303]. Послу поручалось поднять эти вопросы с американской стороной.

Однако дальнейшего продолжения практика плаваний американских подводных лодок в Арктику не получила**. Судя по всему, решающую роль в этом сыграла гибель АПЛ «Трэшер» в 1963 г. Хотя это произошло в Атлантическом океане, а не в Северном Ледовитом, несомненно, напрашивался вывод, что риск подобных катастроф в арктических водах многократно возрастает.

Тем временем 2-я Конференция ООН по морскому праву не оправдала надежд Канады: её предложение совместно с США об узаконивании шестимильной зоны территориальных вод и прилежащей к ней шестимильной рыболовной зоны (так называемая формула «6+6») при десятилетнем переходном периоде не смогла набрать необходимые две трети голосов делегатов [Smith G., 1966: 234-235; Lajeunesse A., 2016: 123].

Последующие попытки Канады решить эту проблему на международном уровне вынуждали её откладывать официальное выдвижение претензий на воды Арктического архипелага. Так, в 1960–1962 гг. Канада безуспешно пыталась добиться заключения многосторонней конвенции о территориальном море и прилегающей исключительной рыболовной зоны на основе своей формулы «6+6». Несмотря на поддержку этой идеи несколькими десятками стран, решающее значение имела позиция США, которые отказались участвовать в этом проекте. В результате в 1962 г. правительство Дж. Дифенбейкера принимает решение добиваться суверенитета над водами Арктического архипелага на односторонней основе.

Важно, однако, заметить, что в тот момент (начало 1960-х годов) северные воды не были главной целью Оттавы: гораздо больше внимания уделялось расширению морской акватории у восточного и западного побережья страны, где канадская рыболовная отрасль сталкивалась со всё более возрастающей конкуренцией рыбопромысловых судов из других стран. Воды Арктического архипелага были лишь частью плана по расширению морской акватории Канады за счёт использования системы прямых исходных линий. Соответственно, на заседании кабинета министров 22 января 1963 г. было решено объявить о юрисдикции Канады над «особыми морскими районами» (*special areas*) – заливом Фанди, заливом Св. Лаврентия, Гудзоновым заливом, Гудзоновым проливом, проливом Хекате и проливом Диксон-Энтрэнс [4: 1293]. Что же касается других вопросов по морскому праву, включая и установление суверенитета над водами Арктического архипелага, то они откладывались до разрешения ситуации с этими вышеупомянутыми морскими районами. На заседании было также решено проконсультироваться с американской стороной, прежде чем выступать с таким публичным заявлением.

В конце февраля 1963 г. Ч. Ритчи было поручено проинформировать американские власти о намерении канадского правительства «окружить» воды залива

** Возобновление операций американских подводных лодок в Арктике произойдёт лишь в 1977 г. [Lajeunesse A., 2016:121].

Фанди, залива Св. Лаврентия, Гудзонова залива, Гудзонова пролива, пролива Диксон-Энтранс с помощью системы прямых исходных линий, от которых с этого момента и должны были отсчитываться территориальные воды и исключительная рыболовная зона Канады [4: 1296]. Однако в Вашингтоне крайне негативно отнеслись к такому предложению, считая, что действия Канады (и тех стран, которые последуют её примеру) серьёзно ограничат свободу судоходства и тем самым интересы США как ведущей морской державы.

Смена правящей партии в Канаде после парламентских выборов в апреле 1963 г. привела к новой попытке установить канадский суверенитет над водами Арктического архипелага в рамках международного морского права. Главным отличием нового правительства либералов во главе с Л. Пирсоном от тактики правительства Дж. Дифенбейкера было то, что на этот раз воды Арктического архипелага были изначально включены в список морских районов, где Канада намеревалась использовать прямые исходные линии. В конце 1963 г. начались соответствующие переговоры с американской стороной, но реакция США оказалась такой же отрицательной. В результате 5 февраля 1964 г., перед началом очередного раунда переговоров, канадский министр иностранных дел П. Мартин объявил американским партнёрам о решении своего правительства отложить претензии на воды Арктического архипелага [8]. В связи с этим выглядят вполне обоснованными предположения канадских исследователей Э. Досмана и А. Ладжюнесса, что правительство Л. Пирсона использовало вопрос о суверенитете над водами Арктического архипелага как разменную монету, чтобы добиться признания суверенитета Канады над более южными районами морской акватории [Dosman E., 1976: 36; Lajeunesse A., 2016: 132-133].

По сути, попытка правительства Л. Пирсона расширить морскую акваторию Канады за счёт использования метода прямых исходных линий оказалась такой же безрезультатной, как и в случае правительства Дж. Дифенбейкера. Отказ Канады от претензии на воды Арктического архипелага не привёл к смягчению американской позиции. В 1964 г. правительство Л. Пирсона приняло закон «О территориальном море и рыболовной зоне Канады», установивший трёхмильную зону её территориальных вод и прилегающую к ней девятимильную рыболовную зону [2]. Закон наделял генерал-губернатора Канады правом устанавливать прямые исходные линии. Тем не менее, столкнувшись с сильной оппозицией США, правительство Л. Пирсона не стало использовать это положение закона не только в Арктике, но и в более южных прибрежных водах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сказать, что середина 1950-х годов стала во многом переломным моментом в политике Канады по отстаиванию своего суверенитета в Арктике. С одной стороны, резко снизилось значение секторальной концепции, которая в течение нескольких десятилетий играла важную роль при обосновании суверенитета Канады в этом регионе. Желание правительства консерваторов

Дж. Дифенбейкера реанимировать эту концепцию мало что меняло и лишь придавало непоследовательность канадской позиции. Как можно было требовать от других государств соблюдения границ канадского арктического сектора, если сами канадские власти не могли определиться с этими границами? С другой (и это было ещё важнее) – изменилось само восприятие проблемы суверенитета на Крайнем Севере – не как вопроса о суверенитете над сушей, а как суверенитета над арктическим морским пространством. Именно в это время на официальном уровне утвердилось мнение, что вопрос о суверенитете страны над всеми землями в пределах её арктического сектора закрыт, а также были определены морские границы в Арктике, которые должны были отмеряться от прямых исходных, проведённых по внешнему периметру Арктического архипелага. Попытки правительств Дж. Дифенбейкера и Л. Пирсона в первой половине 1960-х годов узаконить на международном уровне эти новые, расширенные границы потерпели неудачу в силу недостаточной важности в тот момент для официальной Оттавы вод Арктического архипелага и, как следствие, неготовности ради этого идти на обострение отношения с США и стремления действовать строго в рамках международного морского права.

ИСТОЧНИКИ

1. Canada. House of Commons Debates. Official Report. 1953, 1956, 1958. Vol. I, VII, II, IV. Ottawa: Edmond Cloutier, C.M.G., O.A., D.S.P., Queen's Printer and Controller of Stationery.
2. Canadian Territorial Sea and Fishing Zones Act. 1964. *International Legal Materials*. No. 5. P. 922-924.
3. Documents on Canadian External Relations. Vol. 27. 1960. Doc. No. 665. Available at: <https://epe.lac-bac.gc.ca/100/206/301/faitc-aecic/history/2013-05-03/www.international.gc.ca/departement/history-histoire/dcer/details-en.asp@intRefid=13151> (accessed 28.06.2021).
4. Documents on Canadian External Relations. 2013. Vol. 29. 1962-1963. Ottawa: DFAIT. 1359 p.
5. Documents on Canadian External Relations. The Arctic. 1874-1949. 2016. Ottawa: Global Affairs Canada. 917 p.
6. Documents on Canadian Maritime Sovereignty, 1950-1988. 2018. Ed. by A. Lajeunesse. Calgary and Waterloo: Centre for Military and Strategic Studies. 392 p.
7. Fisheries Case, Judgment of December 18th, 1951: I.C.J. Reports 1951. P. 116-144.
8. Foreign Relations of the United States, 1964-1968. Vol. XII, Western Europe. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d317> (accessed 5.07.2021).
9. Legal Appraisals of Canada's Arctic Sovereignty: Key Documents, 1905-1956. 2014. Ed. by P. Kikkert, W. Lackenbauer. Calgary and Waterloo: Centre for Military and Strategic Studies. 339 p.
10. The Advisory Committee on Northern Development: Context and Meeting Minutes, 1948-1971. 2019. Ed. by W. Lackenbauer, D. Heidt. Calgary and Waterloo: Centre for Military and Strategic Studies. 943 p.
11. Time for Provincial Status for North Not at Hand. *The Ottawa Citizen*. 03.02.1955.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Володин Д.А. 2021a. Военное присутствие США на Канадском Севере в 1940-е – 1950-е гг. От оккупационной армии к единой системе ПВО. *Россия и Америка в XXI веке*. № 2. Available at: <https://rusus.jes.su>

Володин Д.А. 2021b. Канада и поиски новой модели суверенитета на Крайнем Севере в 1920-е – 1930-е гг.: от эффективной оккупации к концепции секторов. *История*. № 4. Available at: <https://history.jes.su/s207987840013640-3-1/> (accessed 05.07.2021).

Теребов О.В. 2019. Арктическая политика США и интересы России: прошлое, настоящее, будущее. Москва: Издательство «Весь мир». 256 с.

REFERENCES

Dosman E. 1976. The Northern Sovereignty Crisis 1968-70. *The Arctic in Question*. Ed. by E. Dosman. Toronto: Oxford University Press. P. 34-57

Lajeunesse A. 2016. Lock, Stock, and Icebergs: a History of Canada's Arctic Maritime Sovereignty. Vancouver: UBC Press. 404 p.

Nicholson N. 1954. The Boundaries of Canada, Its Provinces and Territories. Ottawa: Canada Department of Mines and Technical Surveys. 142 p.

Nicholson N. 1979. The Boundaries of Canadian Confederation. Toronto: The Macmillan Company of Canada Limited. 252 p.

Pearson L. 1946. Canada Looks "Down North". *Foreign Affairs*. July. P. 638-647.

Robertson G. 2000. Memoirs of a Very Civil Servant: Mackenzie King to Pierre Trudeau. Toronto: University of Toronto Press. 384 p.

Smith G. 1966. Sovereignty in the North: The Canadian Aspect of an International Problem. *The Arctic Frontier*. Toronto: University of Toronto Press. P. 194-255.

Terebov O.V. 2019. The Arctic Policy of the USA and Interests of Russia: Past, Present, and Future. Moscow: VES MIR. 256 p.

Volodin D.A. 2021a. The US Military Presence in the Canadian North in the 1940s – 1950s: from an "Occupation Army" to United Air Defense System. *Russia and America in the XXI Century*. No. 2. Available at: <https://rusus.jes.su> (accessed 23.05.2021).

Volodin D.A. 2021b. Canada and the Search of a New Model of Sovereignty in the Far North in the 1920s – 1930s: from Effective Occupation to the Sector Theory. *History*. No. 4. Available at: <https://history.jes.su/s207987840013640-3-1/> (accessed 05.07.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛОДИН Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Dmitry A. VOLODIN, Candidate of Science (History), Leading Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 17.06.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 1.07.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 9.07.2021.